

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРИКЛАДНЫХ ПРОБЛЕМ

Исследование проведено
в рамках государственной программы научных исследований на 2016 – 2020 гг.
«Проблемы реализации правосубъектности участников гражданских и семейных
правоотношений и форм защиты их субъективных прав с учетом социально-
экономических преобразований в Республике Беларусь» (шифр 5.04)
по теме «Правовой режим криптовалюты как объекта гражданских прав
и налогообложения в условиях развития в Республике Беларусь».
Номер государственной регистрации 20192519.
Дата государственной регистрации: 5 сентября 2019 г.

Дедковский Андрей Александрович, кандидат юридических наук,
доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Между-
народного университета «МИТСО», г. Минск

Бушкевич Николай Сергеевич, следователь по особо важным де-
лам управления анализа практики и методического обеспечения пред-
варительного расследования центрального аппарата Следственного
комитета Республики Беларусь, г. Минск

Аннотация: в статье рассматриваются новые способы совершения
преступлений с использованием криптовалюты. Указывается на необ-
ходимость законодательного закрепления в уголовно-процессуальном
законе термина «криптовалюта». Авторы исследуют специфичные ас-
пекты криптовалюты как потенциального объекта наложения ареста
(место хранения, обнаружения и др.) в разных следственных ситуаци-
ях. Предлагается механизм наложения ареста на криптовалюту.

The summary: the article discusses new ways of committing crimes us-
ing cryptocurrency. The need for legislative consolidation in the criminal
procedure law of the term “cryptocurrency” is indicated. The authors inves-
tigate specific aspects of the cryptocurrency as a potential object of seizure
(the place of storage, discovery, etc.) in various investigative situations.
A mechanism for seizing cryptocurrency is proposed.

Поступила в редакцию 10.10.2019.

Введение

Темпы развития современного белорусского общества, внедрение
новых технологических разработок во все сферы жизнедеятельности,
развитие финансовых инструментов и, в свою очередь, эволюция пре-
ступной деятельности выявили необходимость адекватной реакции со
стороны правоохранительных органов и законодателя на складываю-

щиеся общественные отношения. Появление новых способов совершения криминальных деяний, связанных с использованием IT-технологий, в настоящее время характерно не только для преступлений против собственности и информационной безопасности, но и таких предикатных к легализации (отмыванию) средств, полученных преступным путем, преступлений, как незаконный оборот наркотиков, изготовление и распространение порнографических материалов, организация незаконной миграции и др.

В таких условиях следует отметить консервативность законодателя в части внесения изменений в уголовное, уголовно-процессуальное, оперативно-розыскное законодательство в вопросах модернизации процедуры уголовного преследования и судопроизводства.

Основной контент

Динамичность развития уголовно-процессуальной науки во многом обусловлена быстрыми изменениями регулируемых общественных отношений, происходящих под влиянием ряда факторов.

Во-первых, Республика Беларусь в настоящее время переживает этап становления информационного общества и постепенного отказа от принципов индустриального. Реализуемая государством с 2018 г. концепция перехода к цифровой экономике предполагает, в том числе, широкоформатное внедрение информационных технологий во все сферы жизнедеятельности белорусского общества.

Во-вторых, анализ структуры преступности XXI в. и ее динамики свидетельствует о глобальных изменениях в преступном мире. На смену традиционным способам совершения общественно опасных деяний пришли высокотехнологичные преступные механизмы [1, с. 358]. Среди имущественных преступлений с начала 2000-х гг. направленность умысла смещается в сторону завладения безналичными финансовыми активами и совершения хищений в киберпространстве.

В 2019 г. (за 9 месяцев, такая тенденция наблюдалась и в 2018 г.) в Республике Беларусь количество зарегистрированных преступлений в сфере высоких технологий почти в 5 раз (более 6,6 тысячи) превысило количество убийств (248), причинений тяжких телесных повреждений (721), изнасилований (154), разбоев (137) вместе взятых. При этом в структуре IT-преступности преобладают использование вредоносных программ (73 %) и несанкционированный доступ к компьютерной информации (24 %).

Такая ситуация представляется закономерной, поскольку эволюция криминальных схем во многом связана с развитием финансовых инструментов. Наряду с монетизированной валютой у преступников

быстро набирают популярность такие альтернативные платежные средства, как электронные деньги и криптовалюта, причем как в качестве предмета посягательства, так и средства совершения или сокрытия преступления.

В-третьих, уголовно-процессуальные и криминалистические средства и методы борьбы с преступностью вынужденно модернизируются в связи с их устареванием, потерей актуальности и востребованности. Например, законодатель отказался ввиду ее нецелесообразности от обязательного составления протокола описи при наложении ареста на электронные деньги и денежные средства, находящиеся на счетах и (или) во вкладах (депозитах) в банках и (или) небанковских кредитно-финансовых организациях [2].

В современном обществе использование криптовалюты в качестве альтернативного средства обмена фиатным (монетизированным, банконотным) и электронным деньгам не только приобрело массовый характер, но и является определяющим фактором развития бизнес-сообщества. Более того, отдельные ученые отождествляют криптовалюту с электронными деньгами [3, с. 18]. В некоторых странах (Япония, Венесуэла) криптовалюта получила статус официального платежного средства.

Таким образом, уже сейчас органы, ведущие уголовный процесс, вынуждены осуществлять свою деятельность в следственных ситуациях, когда возникает необходимость не только в поиске и собирании доказательств в интернет-пространстве, облачных технологиях и иных современных средствах аккумулирования и хранения больших данных (Big Data), но и в изъятии, аресте и сохранении виртуальных финансовых инструментов, товаров, имущества или информации, в том числе являющихся предметом преступного посягательства. Если пять лет назад преступления, связанные с завладением виртуального имущества, вызывали определенное недоумение не только у общественности, но и у правоохранительных органов [4], то сегодня речь идет о формировании повсеместной правоприменительной практики расследования подобных уголовных дел.

Прочно вошедший в мировую бизнес-среду феномен криптовалюты, основанный на технологии блокчейн, и пришедший за ним новый виток преступной активности указывают на необходимость модернизации отдельных уголовно-процессуальных механизмов, способствующих эффективности ведения процесса не только в материальной, но и виртуальной среде. В рамках данной статьи термин «блокчейн» (Blockchain) рассматривается в качестве технического решения для хранения и обработки информации, создания децентрализованной валюты, не зависящей ни от какого-либо государства или правительства,

представляющего собой распределенный реестр транзакций, защищенный криптографическими средствами от взлома, или, другими словами, виртуальную платформу для реализации платежной системы, основанной на простейшем цифровом активе – криптовалюте.

В таких информационных условиях и повсеместном внедрении ИТ-технологий органы уголовного преследования нуждаются как в достаточном количестве криминалистических средств и методов установления и доказывания механизма совершения преступления, так и в эффективной и современной уголовно-процессуальной процедуре.

Если в существующих процессуальных реалиях понимание блокчейна, архитектуры его построения позволяет правоохранителям с использованием доступного арсенала технических средств (например, средств анализа – Chainalysis, Numisight, Elliptic, Crystal и др.) без особых усилий отыскивать электронные следы преступления в виртуальном пространстве, осматривать их, фиксировать и признавать доказательствами, то ситуация с практикой применения института наложения ареста на имущество в отношении, например, криптовалюты складывается по-иному.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о множественности следственных ситуаций, в условиях которых перед следователем стоит задача в обеспечении возмещения причиненного преступлением ущерба путем применения мер процессуального принуждения. Причем потребность в правовой регламентации процедуры изъятия, ареста и обеспечения сохранности криптовалюты и иных виртуальных финансовых активов возникает у практиков независимо от их роли (предмет, средство) в преступном механизме.

Рассматривая данный правовой институт в качестве одного из гарантов защиты прав и интересов потерпевших, отметим, что эффективность его применения во многом зависит от современности его механизма в условиях смещения преступности в киберпространство.

В современной криминалистической и уголовно-процессуальной литературе достаточно много внимания уделено исследованию института наложения ареста на имущество – от его генезиса [5, с. 130–134] до рассмотрения проблем практики применения [6, с. 173–178] и новелл правового регулирования [7, с. 12–16]. Четко просматривается и заинтересованность законодателя в обеспечении правоприменителей действенным процессуальным инструментарием. Об этом свидетельствуют девять корректировок, внесенных в ст. 132 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) с момента его принятия. При этом потребность их внесения в каждом случае была связана с изменением регулируемых отношений

и необходимостью разрешения проблем, возникающих в правоприменительной практике. В частности, в примечании к новой редакции данной нормы, принятой в 2017 г. [2], законодателем дано понятие «имущество», под которым, помимо вещей, имеющих материальную оболочку, понимаются безналичные денежные средства, находящиеся на счетах в банках и (или) НКФО, электронные деньги и имущественные права, которые, так же как и криптовалюты, не имеют отражения в материальном мире.

Конечно, с точки зрения экономической теории такой виртуальный феномен, как биткойн (Bitcoin), равно как и другие криптовалюты (например, DASH, Monero, Ether), нельзя относить к деньгам в их классическом понимании. Однако наблюдаемые тенденции позволяют говорить о них как о цифровом выражении стоимости, не являющемся официальным средством платежа, но в силу своей растущей распространённости принимаемым в качестве оплаты за товары, услуги. Такой же позиции придерживаются правоохранители европейских стран. В контексте противодействия легализации (отмывания) преступных доходов согласно п. 18 ст. 3 поправки 26 Директивы Европейского Парламента и Совета Европейского союза от 20.05.2015 № 2015/849 под виртуальной валютой понимается цифровое представление стоимости, которая не выпущена или не гарантирована центральным банком или государственным органом, не обладает легальным статусом валюты или денег, но принимается физическими или юридическими лицами как средство обмена и может передаваться, храниться или продаваться в электронном виде [8].

В настоящее время в Республике Беларусь не только сформировано правовое поле для создания (майнинга), первичного размещения и хранения криптовалюты (токенов), но и предоставлена возможность физическим и юридическим лицам (в данном контексте речь идет только о юридических лицах, являющихся резидентами Парка высоких технологий) владеть ими на праве собственности или на ином вещном праве, приобретать и (или) отчуждать их за национальную либо иностранную валюту, электронные деньги, осуществлять ими обмен.

Согласно Декрету Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» под криптовалютой понимается биткойн или иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена [10, с. 144–158].

Сложность применения меры процессуального принуждения в отношении рассматриваемого виртуального феномена в первую очередь связана с самим объектом наложения ареста и его нетрадиционностью с точки зрения теории уголовного процесса.

На первый взгляд криптовалюта определенным образом сходна с электронными денежными средствами, которые также не имеют материальной оболочки. Если для их оборота необходим посредник в виде системы расчетов, в том числе банков [9], то принцип пиринговой системы, являющийся основой технологии блокчейн, обеспечивает взаимодействие пользователей между собой, упраздняя необходимость в посреднических либо административных услугах третьих лиц или финансовых институтов.

Еще одна проблема применения рассматриваемой меры принуждения – отсутствие посредника (финансового регулятора), которому можно было бы предъявить для реализации постановление о наложении ареста на криптовалюту. При аресте электронных денег или денежных средств, находящихся на счетах и вкладах, в качестве таковых выступают банк или НКФО, а в части бездокументарных ценных бумаг – депозитарий. В отношении криптовалюты такой юрисдикцией не обладает никто.

Специфичным аспектом криптовалюты как потенциального объекта наложения ареста является его место хранения, обнаружения.

В качестве хранилища криптовалюты используется криптокошелек, или виртуальный кошелек, который согласно упомянутому Декрету № 8 представляет собой программное или программно-техническое средство, предназначенное для хранения цифровых знаков (токенов) и позволяющее его владельцу осуществлять операции с ними.

В буквальном понимании (на примере биткоина) виртуальный кошелек представляет собой два криптографических ключа – открытый и закрытый. При этом открытый ключ, или биткоин-адрес – 19PXg2Ljft9hRj4R9xYjprsSw43ZhreSB – известен другим участникам блокчейна и по своим функциям сравним с расчетным счетом в банке, на который, как в случае с безналичными деньгами, может быть осуществлен перевод (транзакция). Закрытый же, или приватный, частный ключ, например xJiXNGePRvbnfp1qFHGHCvtXF8662NnbVvkn6EgGtYt6Xzh9yPY, выполняет роль виртуального замка с криптографической защитой, обеспечивающего владельцу доступ к криптовалюте и возможность осуществления ее перевода.

Существует несколько классификаций криптовалюты. В рамках проводимого исследования предлагаем подразделять их в зависимости от принципа создания и местонахождения закрытого ключа на: программные, мобильные (например, Coinbase, Circle), онлайн-кошельки, аппаратные (например, Trezor) и бумажные кошельки.

Наличие информации об открытом и закрытом ключах криптокошелька позволяет его обладателю не только получить доступ

к криптовалюте, но и осуществить любую транзакцию, в том числе связанную с перемещением на другой виртуальный кошелек, обменом на другой вид криптовалюты, фиатные деньги или оплаты услуг (товаров) онлайн. Из этого следует, что обладатель закрытого ключа является фактическим обладателем единицы криптовалюты.

Полномочия оператора криптобиржи или криптоплатформы, на которых возможно открытие и использование виртуального кошелька, равно как провайдеров виртуальных кошельков (предоставляющих услуги по защите закрытых криптографических ключей от имени клиентов по проводке, хранению и передаче виртуальных валют) или провайдеров ресурсов, осуществляющих обмен криптовалютой на фиатные деньги, в этой части ограничены. В этой связи следует согласиться с А. Ю. Чуриловым, который считает невозможным арест (замораживание) счета криптовалюты или воздействие любым другим способом на операции в системе ввиду отсутствия администратора [10].

Заключение

На основании изложенного полагаем сделать следующие выводы.

1. Полагаем необходимым ввести в УПК термин «криптовалюта» с целью легализации механизма наложения ареста на криптовалюту путем дополнения примечания ст. 132 УПК после слов «электронные деньги;» словом «криптовалюта;».

2. Процессуальное законодательство регламентирует арест имущества как объявление собственнику или владельцу запрета на распоряжение, а в необходимых случаях и пользование этим имуществом либо изъятие имущества и передачу его на хранение. В следственных ситуациях, когда имеются правовые основания ареста криптовалюты, предусмотренные ч. 1 ст. 132 УПК, и следовательно располагает информацией об открытом и закрытом ключах, копию постановления о наложении ареста согласно ч. 10 указанной нормы следует вручать собственнику криптовалюты (т. е. обладателю закрытого ключа), а необходимость составления протокола описи, как и в случае с электронными деньгами, отсутствует.

3. Понимание основ технологии блокчейн, алгоритма построения цепочки блоков и невозможности их отмены позволяет прийти к выводу об отсутствии технической возможности реализации уголовно-процессуального запрета распоряжения криптоактивом в виртуальном пространстве. Как упоминалось выше, обладатель закрытого ключа, т. е. информации о нем, является фактическим владельцем криптовалюты, поэтому предоставление подозреваемым (обвиняемым) следователю информации о закрытом ключе его виртуального кошелька не исключает возможность доступа к нему иных лиц,

которым этот приватный ключ также известен. Соответственно, гарантировать их сохранность невозможно.

Представляется, что единственно возможным способом наложения ареста на криптовалюту, обеспечения ее сохранности и последующего использования судом в целях, изложенных в ч. 1 ст. 132 УПК, является только изъятие путем осуществления транзакции (виртуального перемещения) на виртуальный кошелек, подконтрольный правоохранительному органу. Такая правоприменительная практика сложилась в ряде европейских стран, например Австрии, Финляндии, а также Японии [11]. Для реализации такого подхода следователям достаточно будет обладать только информацией об открытом ключе по аналогии с расчетным счетом Следственного комитета.

4. В целях обеспечения большей сохранности арестованных наличных денежных средств и минимизации возможности их злоупотребления необходимо применять положения ч. 15 ст. 132 УПК, которые предусматривают изъятие на хранение арестованных денежных средств на счета органа, ведущего уголовный процесс. Законодателем установлен бесспорный порядок списания арестованных денежных средств.

5. Видится необходимым разработка и принятие межведомственного подзаконного нормативного правового акта, закрепляющего способ создания, степень защиты и использования виртуального кошелька для правоохранительных органов, что позволит обеспечить сохранность изъятой криптовалюты.

Список использованных источников

1. Яковлев, А. Н. Цифровая криминалистика и ее значение для расследования преступлений в современном информационном обществе / А. Н. Яковлев // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 апр. 2018 г. / Следств. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: С. Я. Аземша [и др.]. Минск : Ред. журн. «Промыш.-торговое право», 2018. – С. 357–362.

2. О внесении изменений и дополнений в уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь от 18 июля 2017 г. № 53-3 [Электронный ресурс] // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Кучеров, И. И. К вопросу о методике расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты / И. И. Кучеров // Российский следователь. – 2018. – № 12. – С. 17–22.

4. У 30-летнего жителя Пружан российский хакер «угнал» танк за

1,2 млн рублей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/amp/society/386302.html>. – Дата доступа: 27.02.2019.

5. Зайцев, В. П. Генезис наложения ареста на имущество в белорусском уголовном процессе / В. П. Зайцев // Вест. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2018. – № 2 (36). – С. 130–134.

6. Дехтярев, Е. В. наложение ареста на имущество юридического лица при расследовании преступлений : проблемы правоприменения / Е. В. Дехтярев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. трудов / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. – 2015. – Вып. 8. – С. 173–178.

7. Булатов, Б. Б. Новеллы законодательного регулирования срока наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве / Б. Б. Булатов, А. С. Дежнев // Российский следователь. – 2016. – № 1. – С. 12–16.

8. Directive (EU) 2015/849 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, amending Regulation (EU) No 648/2012 of the European Parliament and of the Council, and repealing Directive 2005/60/EC of the European Parliament and of the Council and Commission Directive 2006/70/EC (Text with EEA relevance) [Electronic resource]. – Mode of access: https://linklaters.de/fileadmin/redaktion/Gesellschaftsrecht_M_A/Gesetzesmaterialien/Geldw%C3%A4scherichtlinie/170118_EU_Parl_%C3%84nderungsvorsch%C3%A4ge.pdf. – Date of access: 05.03.2019.

9. Правила осуществления операций с электронными деньгами [Электронный ресурс]: постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 26 нояб. 2003 г., № 201. – Режим доступа: https://www.nbrb.by/legislation/documents/PP_201_199.pdf. – Дата доступа: 13.11.2018.

10. Чурилов, А. Ю. Использование технологии блокчейн : платежная система, «умные» контракты, принятие коллегиальных решений, хранение информации / А. Ю. Чурилов // Право в сфере интернета : сб. ст. под ред. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2018. – С. 144–158.

11. Japanese Police Seize Cryptocurrency for Parking Violations [Electronic resource]. – Mode of access: // <https://news.bitcoin.com/japanese-police-seize-cryptocurrency-parking-violations/>. – Date of access: 07.03.2019.